

ции русской классики, большое количество переводных текстов, обращавшихся к Книге Руфь, труд выдающихся переводчиков – всё это не позволило свести прецедентность в культурном и языковом пространстве к нулю. В позднесоветской и постсоветской художественно-когнитивной картине мира эта ситуация и ее ключевые концепты вновь заняли прочное место.

Смена веры в текстовом пространстве актуализируется в концептополях, связанных с общечеловеческими духовными ценностями ‘иноземность’ (*Руфь-моавитянка*), ‘семья’, ‘женственность’, ‘скромность’ (*кроткая Руфь, humble Ruth*), ‘трудолюбие’, ‘ностальгия, грусть, тоска’, ‘природа’, поскольку Божий промысел в обращении Руфи был реализован через тяжелые семейные и жизненные обстоятельства.

В контексте европейской культуры прецедентная ситуация отражена прямо, косвенно или в инвертированном виде. Основные когнитивные линии обладают устойчивостью; при всех искажениях и привнесениях в структуре аутентичной когнитивной матрицы наблюдается как сохранение концептуальной связи с исходным (библейским) текстом, так и универсальный межъязыковой характер концептов и когнитивных линий, генерированных ключевым концептом ‘смена вероисповедания’.

Осинцев А. В., Кузнецова О. В.
Екатеринбург, Россия

ПРАРОДИНА И ЯЗЫК В РУССКОМ НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ

Мифы о великой прародине, происхождении славян и исконном русском языке пользуются популярностью в неоязыческой среде. Прослеживается связь между мифом о прародине, представлениях об этносе, нации и спекуляциях неоязычников в области языкознания. Обратимся к текстам, пользующимся популярностью в среде русского неоязычества (А. Шубина-Абрамова, С. Данилова, В. Чудинова, А. Трёхлебова и др.) для выявления этой связи и ее обоснования внутри неоязычества. Нами зафиксировано, во-первых,

в образах о единой прародине присутствует концепция о существовании некоего особого единого русского языка. Единство языка представляется: а) как некое единство общеславянского языка, от которого произошли все славянские языки (что по смыслу близко пониманию родственности славянских языков); б) как единый «русский язык», от которого произошли восточнославянские языки (например, украинский, белорусский) и другие языки, в том числе неиндоевропейские (например, иврит). Во-вторых, родственность языков важна не сама по себе, она позиционируется как: а) почва для международного сотрудничества; б) обоснование для господства славян (русских); в) основание для вмешательства в дела других государств и народов; г) представление о всеобщем родстве. При этом присутствует националистический мотив (например, провозглашается превосходство русского языка над остальными языками). В-третьих, одним из звеньев в цепи доказательств права на территорию становится языковой аргумент. Так территория, отмеченная реальными или вымышленными «знаками», буквами русского языка, должна принадлежать его носителям. Эти же метки свидетельствуют о величии нации.

Pazio-Wlazłowska D.
Warszawa, Polska

**RODZINA W PRASIE PRAWOSŁAWNEJ
(NA MATERIALE MIESIĘCZNIKA
„ПЕНЗЕНСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК”)**

Odwołując się do konstatacji rosyjskich badaczy o szczególnym miejscu rodziny w aksjosferze oraz nawiązując do definicji zaproponowanej przez Jelenę Dobrowolską, zgodnie z którą rodzina jest rozumiana jako «[основа] миропонимания и миропорядка, ‘цельное, нерушимое единство’, обладающее силой нравственного влияния и ценностным ориентиром ‘участие, взаимопомощь’» [Добровольская 2005: 5] w referacie podjęto próbę rekonstrukcji tytułowego konceptu na podstawie materiałów wyekscerpowanych z prawosławnego